

УДК 141.78:141.82

Петр Николаевич Кондрашов
кандидат философских наук,
доцент, докторант
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: stif.lo@rambler.ru

Константин Николаевич Любутин
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: lyu-bu-tin@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД К. МАРКСА

Существует множество работ, посвященных анализу философско-исторической методологии Маркса. Однако большинство из них страдает односторонностью, ибо в них метод Маркса рассматривается либо как внесубъектный, жестко каузальный (марксизм-ленинизм, Альтюссер), либо в нем подчеркивается только антропологический аспект (гуманистический неомарксизм), либо за ним вообще отрицается всякая научность (Поппер, Хайек). В результате критического анализа авторы делают вывод, что философско-историческая методология Маркса представляет собой не вульгарно истолкованное «материалистическое понимание истории», а *праксеологическую* интерпретацию исторического процесса, которая на основе материалистической конкретно-исторической диалектики включает в себя и собственно материалистическое, и «идеалистическое» понимание истории, так как история, согласно Марксу, есть результат развертывания социальной сущности человека – деятельности (праксиса), которая представляет собой синтез двух актов: *материального* («работа») и *идеального* (целеполагание).

Ключевые слова: философия истории Маркса, философско-исторический метод Маркса, материалистическое понимание истории, праксеологическое понимание истории, материалистическая диалектика, историчность, альтернативность истории.

В последние годы вновь пробудился интерес к фигуре К. Маркса. В первую очередь это, безусловно, связано с развертыванием мирового экономического кризиса, начавшегося осенью 2008 г. и продолжающегося до сих пор. Именно кризисная ситуация разбудила, казалось бы, уже давным-давно теоретически «мертвого» старика Маркса. Именно он впервые *научно* обосновал положение о цикличности кризисов капитализма и идею о том, что капитализм рано или поздно охватит весь мир, то есть станет *глобальным*. Диалектический синтез этих двух положений с необходимостью рождает такой вывод: *мировой (глобальный) структурный кризис капитализма неизбежен*. «Да что далеко ходить, – до сих пор “мэйнстримовская” экономическая наука не может внятно объяснить причины настоящего кризиса, хотя его актуальность, на первый взгляд, много выше истории

человека, жившего полтора века назад! Ровно из-за тех самых мифов и табу, которые связаны с историей развития экономической науки и именем Маркса в том числе! Поскольку первые соображения о реалиях, которые стали причиной нынешнего кризиса, были выдвинуты первым поколением последователей Маркса! Именно поэтому восстанавливать реальное значение этого человека не просто интересная, но и насущно важная задача ... именно Маркс предсказал нынешний кризис и дал ему объяснение» [36].

Все это в той или иной мере осознавали марксистские обществоведы, анализировавшие динамику развития *позднего* капитализма [3; 5; 8; 13; 18; 29; 44; 45; 46; 49; 50; 51; 52; 53; 56]. Однако в либеральном и неолиберальном лагере большей частью господствовали противоположные настроения [7; 30; 34; 37; 38; 39]. Теперь же, в условиях ситуации тотального кризиса, состоятельность марксова анализа перспектив развития капиталистического способа производства признают и корифеи неолиберализма.

В чем же причина столь высокой валидности теории Маркса? – Как нам представляется, дело заключается в применении Марксом такой методологии научного анализа, в рамках которой исследование объекта производится не по каким-то трансцендентным, трансцендентальным, априорным правилам и схемам, а по *имманентным закономерностям самого исследуемого объекта*. Как говорил В.И. Ленин, описывая метод Маркса, «специфический предмет требует специфического метода исследования». Поэтому марксистский конкретно-исторический анализ а priori исходит из методологического правила, согласно которому каждое явление специфично, а потому требует специфических методов анализа своей специфической логики бытия. Думается, что именно такого рода имманентная самому предмету *конкретность* и является залогом научной истинности, актуальности и эвристичности марксовых исследований. Об актуальности реактуализации методологии классического марксизма см.: [2; 5; 6; 14, с. 3-22; 15, с. 188-218; 16; 19; 36].

В предлагаемой статье ограничимся лишь экспликацией основных аспектов *философско-исторического метода* [более подробно о методе Маркса см.: 4; 6; 12 (особ. Ч. 2, II, § 10 «Логика “Капитала”»); 32, с. 35-44, 55-58, 138-163; 33, с. 97-158; 36; 47; 48], оставляя в стороне такие важные методы, разработанные Марксом, как диалектико-материалистический, собственно исторический, политэкономический, диалектико-логический, историко-философский и др.

Подобное исследование методологии Маркса актуально по нескольким причинам. Во-первых, марксизм – это не столько теория, сколько именно *метод конкретно-исторического исследования реальности*. Ибо, как признавал сам Маркс, именно в его методе сконцентрирована вся суть его теоретической системы. Во-вторых, философско-исторический метод Маркса наглядно демонстрирует то, каким образом надо проводить *системное и систематическое научное исследование конкретного* социального явления, что весьма важно в современных условиях распространения «постмодернистской чувственности» и «постметафизического мышления».

Коль скоро объектом нашего исследования является метод, который Маркс применял в своей философии *истории*, то прежде чем приступить к его детальному анализу, представляется необходимым пояснить, что именно он имел в виду под понятием *история*.

Исходя из своей философской антропологии, согласно которой сущностью и способом человеческого бытия-в-мире является совместная целополагающая сознательная преобразующая деятельность (праксис), Маркс под *историей* понимает *разворачивающуюся во времени деятельность, преследующего свои цели человека*. В «Немецкой идеологии» он (вместе с Ф. Энгельсом) пишет: «Окружающий... чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это – исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй» [27, с. 42]. И далее: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [27, с. 44-45].

История, таким образом, есть *деятельность* людей, развертывающаяся во времени, которая на каждой новой ступени своего развертывания (возникающей из *преобразования* предшествующего состояния бытия) *удерживает* в себе моменты прошлого. Но при *сохранении и удержании* основной функции и структуры тем не менее происходит прибавление как новых функций, так и новых структурных моментов социального бытия. *Новое* состояние, следовательно, *отличается* от состояния предшествующего, то есть здесь имеет место не простое количественное изменение, а *качественное* преобразование, но такое, при котором в *структурах* нового *сохраняются* функциональные, сущностные и *структурные моменты* прошлого.

Таким образом, при всей важности фиксации момента *изменчивости*, в этом процессе имеет место и момент *преемственности* (*постоянства*) между последовательными состояниями преобразования предметности. *Диалектика* этих двух моментов составляет основу того, что мы именуем *историчностью*.

Момент изменчивости схватывает *процессуальность* бытия, а момент устойчивости – *преемственность*. При этом здесь не происходит метафизической абсолютизации моментов движения/изменения и покоя/постоянства, как это имело место, скажем, у Гераклита и Парменида. Подход Маркса к исследованию историчности связан именно с этой диалектикой движения: предметность под влиянием определенных факторов *изменяется* людьми в сторону ее соответствия вновь возникающим усло-

виям. Но при этом новая, уже-измененная, уже-преобразованная в своей форме, она несет в себе и формальный, и функциональный *след* предшествующей ей предметности.

Диалектическое единство изменчивости и устойчивости, в котором фундируется преемственность формально-функциональных структур предметности, есть ее (предметности) *развитие*.

В ближайшем рассмотрении *история* здесь понимается Марксом в следующих смыслах:

1) как *прошлое некоторого явления*, последовательность уже прошедших ступеней, стадий;

2) как *переход от прошлых состояний бытия к настоящему состоянию*, то есть переход от состояния-до к состоянию-наличного-бытия-данного-явления, иными словами: история как *становление настоящего из минувшего*;

3) как *современность, настоящее* («действительность», ставшая из прошлого *фактичность*);

4) как *переход от настоящего состояния бытия к будущему состоянию*;

5) как *будущее; открытость настоящего будущему*; история как *трансцендирование*.

В целом же Маркс говорит не обо всех этих пяти формах отдельно, в которых обнаруживает себя история, а о некоторой *тотальности* как *процессе становления чего-то из предшествующих состояний, когда этого чего-то еще нет, к возникновению чего-то, его бытию, и далее – вновь к его переходу в небытие в процессе становления будущего состояния*.

Каждая новая ступень *снимает* в себе предшествующие состояния, одновременно удерживая и преодолевая их. Прошлое оказывается только *основанием* для настоящего, но не является сейчас-действующей причиной, равно также как и настоящее по отношению к будущему. Это основание через преобразующую практику людей трансцендирует себя в новое качество, но в этом новом оно (в измененных формах) все же удерживается как элемент новой системы. Если бы не существовало этого удержания-прошлого-в-настоящем/будущем, то ни о какой историчности речь не могло бы идти, так как историчность с необходимостью предполагает момент не только изменчивости, но и устойчивости, то есть *преемственности*.

Так, знаменитые «дубинка» или «палка-копалка» *лежат в основе* человеческой цивилизации, но они уже *сняты* в исторической действительности до такой степени, что в современной компьютерной технике мы от них не найдем и следа. Но тем не менее именно они дали *субстанциональное начало* инструментальному покорению природы, а значит и начало, как выражается Маркс, оттеснению природных границ, то есть очеловечиванию наших предков, начало все более и более разворачивающейся социализации (*Vergesellschaftung*). Как пишет Д. Лукач, «прошлое навсегда остается неустранимым, и всякое практическое действие должно считаться с этой неустранимостью... – это представляет собой явный фундаментальный факт» [17, с. 109-110]. Не будь изначальных дубинок и палок-

копалок, каменных скребков и топоров, не существовало бы сейчас никакой современной электронной техники.

Таким образом, *социальная историчность* представляет собой процесс, в ходе развертывания которого бытие (деятельность) каждого нового поколения людей укоренено в первичном универсуме, созданном деятельностью всех предшествующих поколений, преобразуется этим самым поколением на основании постоянно (и зачастую эмерджентно) возникающих новых потребностей (являющихся, с одной стороны, результатом самой же деятельности людей, а с другой – результатом природных или социально-природных комплексных причин).

В этом смысле *история* понимается предельно широко, ибо включает в себя и деятельность, и ее результаты (культуру), и повествование о них, и особую науку, изучающую все это. Она включает в себя все человеческое бытие, взятое в его прошлом, в его совершенности (*factum*), которое онтологически входит в настоящее и продуцирует, определяет возможные альтернативы будущего.

Какова же *марксова* философская методология исследования феномена истории? Основой научной методологии Маркса является *материалистическая диалектика* [12; 15, с. 188-214; 54; 55, р. 3-29], суть которой в итоге состоит в следующем:

– онтология Маркса – это *онтология социального праксиса*, и потому все социальные явления рассматриваются как системы или как такие комплексы, которые сущностно определены человеческой деятельностью, представляющей собой целенаправленный сознательный процесс преобразования объекта субъектом с помощью орудий труда в целях удовлетворения своих потребностей. Деятельность, по Марксу, есть все то, *что* делается людьми и то, *как* это ими делается. «Все и вся в истории человечества суть модусы человеческого труда» [21];

– любое явление Маркс рассматривает с четырех сторон: 1) как результат взаимодействия; 2) как систему, состоящую из взаимодействующих элементов; 3) как одну из сторон взаимодействия с другими явлениями; 4) как динамическую причину возникновения других взаимодействий и явлений [см.: 40, гл. I, § 2; 55, р. 8-9];

– все материальные системы находятся в постоянном движении, развитии, изменении;

– основой динамики социального бытия являются внутренние противоречия систем, возникающие в процессе развертывания *преобразующего мир* праксиса, через борьбу и единство которых, собственно, и происходит *развитие*.

В силу того, что динамика развития определяется внутренними противоречиями, которые возникают *в самих* этих системах, марксистская методология оказывается «имманентной» самому миру, так как не прибегает к помощи «трансцендентных» объяснительных конструкций или сил вроде божественного провидения.

Диалектика для *Маркса* – это имманентная динамика социального мира, его *развитие* из внутренних противоречий, которые возникают не

логическим, а *историческим* путем. Внутреннюю и внешнюю логику этого исторического процесса мы можем эксплицировать только *a posteriori*, на основе чего можно выявить только *самые общие контуры и тенденции будущего исторического развития* в смысле *научного прогнозирования*, а не *пророчества* [33, с. 159-228] (именно поэтому мы не находим у Маркса никакого конкретного описания «коммунизма»). Никакой априорной логики истории в смысле гегелевской диалектики или теологии/телеологии истории Августина для Маркса, безусловно, *не существует*. Другими словами, у Маркса *нет историцизма* (в смысле К. Поппера [32, с. 9-15]). Существует конкретно-исторический универсум, которому присуща лишь ему самому имманентная логика развития, и понять эту логику можно только исследовав *конкретность* данного универсума в его внутренних противоречиях и динамике.

И еще один важный аспект марксовской диалектики. Согласно Марксу, категории (диалектические понятия) – это не только когнитивные структуры, в которых человеческое мышление схватывает и репрезентирует динамику бытия. Они выражают *формы наличного бытия (Daseinsformen), определения существования (Existenzbestimmungen)* [26, с. 43]. Это значит, что диалектика *объективна*. Сознание, имея изоморфную структуру с *наличным бытием, Dasein*, эти объективные *Daseinsformen* в процессе практической деятельности (в рамках которой человек непосредственно сталкивается с противоречиями бытия и преодолевает их, изменяя мир) определенным способом (с учетом апперцепции, различных культурных, национальных, биографических коннотаций, предшествующего опыта) репрезентируются, осмысляются, интерпретируются. Поэтому «сознание (*das Bewußtsein*) никогда не может быть чем-либо иным, кроме как осознанным бытием (*das bewußte Sein*), а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [27, с. 25].

Общественное сознание (gesellschaftliche Bewußtsein) представляет собой *активное воспроизведение (репрезентацию)* всего комплекса общественного бытия в человеческой психике. В рукописях 1844 г. прямо Маркс говорит о том, что человек *«действительно удваивает» (wirklich verdoppelt)* в сознании созданный им мир. Бытие в этом смысле оказывается первичным материалом, который составляет содержание сознания.

Именно таким образом объективная диалектика (диалектика объективного мира, втянутого в сферу человеческой деятельности) переходит в диалектику субъективную, которая при научном подходе превращается в соответствующий *метод* исследования и соответствующую *теорию*. Безусловно, изначально диалектические противоречия и их синтезы схватываются человеческим сознанием не понятийно, а *стихийно* (например в структуре языка, в метафорах, образном мышлении) и только позже оформляются в систему категорий. Поэтому мы не согласны с позицией А.А. Коряковцева, согласно которой диалектика не может быть «стихийной», «наполовину беременной» и т.п.: «Как можно быть наполовину “диалектичным”?» [15, с. 39]. Однако в другом месте А. Коряковцев все

же признает, что «в пределах как материализма, так и идеализма стихийно накапливался теоретический инструментарий, из которого мог вырасти новый метод мышления» [15, с. 216]. Подобное «превращение» диалектики через единство «материального» и «идеального», внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, опредмечивания и распредмечивания возможно только в человеческой практике. Поэтому диалектику Маркса было бы более адекватно назвать не материалистической, а *социально-практической*, или *диалектикой социального праксиса*.

В силу того, что история, с точки зрения Маркса, есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [28, с. 102], то, соответственно, исходным пунктом анализа историчности социального бытия будет выступать именно *человек*. Как верно замечает А. Грамши, основная идея Маркса «рассматривает в качестве доминирующего фактора истории не голые экономические факты, а человека, людей в обществе, людей во взаимоотношениях друг с другом» [9, с. 3].

Маркс начинает построение философской системы и свое исследование с *действующего, производящего человека*. Так, в прямом соответствии со своей философско-антропологической теорией, согласно которой сущностью и способом бытия человека в мире является *праксис* (материальная и духовная сознательная преобразующая деятельность), он уже в первых работах, в противоположность всякому идеализму и натурализму, формулирует совершенно новую методологическую перспективу.

В 1846 г. он пишет: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [27, с. 18]. «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов» [27, с. 19]. И далее: «Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов» [27, с. 25].

А вот два высказывания 1858 г.: «Индивиды, производящие в обществе... таков, естественно, исходный пункт» [26, с. 17]. «Поэтому и при теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» [26, с. 38].

Таким образом, *субъектом* истории у Маркса выступают не отдельные «человек» и «деятельность», а *действующий-в-мире-социальный-*

человек. Фундаментальными и конечными субъектами и объектами исторического процесса являются *дейательные конкретные живые человеческие индивиды* (вплоть до того, что «вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы» [25, с. 162]), а не анонимные бессубъектные структуры вроде производительных сил, производственных отношений, классов, техники, экономических законов.

Итак, самый центральный и изначальный, базовый методологический принцип философского исследования исторического процесса у Маркса – это принцип, согласно которому всегда необходимо исходить из *человека и его деятельности*, то есть за всяким социально-историческим явлением всегда видеть *человека*. Поэтому философия Маркса есть не экономический и технический редукционизм или социоцентризм, а *антропологическая интерпретация истории*. «Чтобы избежать двусмысленности терминов “материалистический” и “экономический”, было бы уместно назвать марксово понимание истории антропологической интерпретацией истории. Ибо это понимание основывается на том факте, что сами люди являются и творцами и актерами своей исторической драмы» [35, с. 381]. Ср.: [1, с. 13-15].

Однако Маркс не останавливается на этой фиксации исходного пункта исследования историчности социального бытия. Так как сущность и способ бытия человека – *праксис*, то все, в том числе и историю, необходимо понимать из разворачивания человеческой деятельности. Иными словами, понять историю можно только через структурно-темпоральный анализ самой этой деятельности. Постольку же, поскольку деятельность представляет собой *синтез материального* («работа») и *идеального актов* (целеполагание), то и понимание истории *из деятельности* с необходимостью должно включать в себя и *материалистическое понимание истории*, и *идеалистическое понимание истории*, и их *диалектический синтез*, то есть должно представлять собой *праксеологическое понимание исторического процесса*. «Только в общественном бытии всякое сущее возникает в результате целеполаганий, имеющих в своей основе моменты идеальной природы» [17, с. 388]. Поясним, о чем идет речь.

С точки зрения Маркса, каждое новое поколение, приходя в мир, застаёт определенные материальные, культурные, символические, социальные и т.д. условия, которые были созданы в результате *деятельности* всех предшествующих поколений, то есть в результате деятельности *человеческого общества*. Поэтому человек понимается Марксом как существо изначально *общественное*, всегда встроенное в действительный жизненный процесс (*wirklichen Lebensprozeß*), в структуры *общественного бытия*. (Даже в случае с Робинзоном Крузо, ибо его трудовые навыки, мышление и т.п. суть продукты социализации, предшествующей его одиночеству.) Становится понятным, что именно непосредственная деятельность по производству и воспроизводству наличного социального и индивидуального бытия, «материального производства непосредственной жизни (*unmittelbaren Lebens*)» [27, с. 36] этот *wirklichen Lebensprozeß* *определяет все* стороны и структуры человеческого существования и прежде всего *духовную сторону*

социального бытия. То, каким образом живут люди, среди какого предметного мира они действуют, сообразно с этим они чувствуют и осмысливают свой мир: и в смысле *окружающего мира природы, культуры (Umwelt), совместного-мира-с-другими (Mitsein, Koexistenz, gesellschaftliche Verhältnisse)*, и в смысле *своего внутреннего мира (Eigenwelt, Existenz, Innenwelt)*.

Именно в положении о том, что не индивидуальное сознание определяет общественное существование людей, а напротив, их общественное бытие определяет их же *общественное сознание* (которое не сводится к механическому соединению индивидуальных сознаний, ибо элементарный закон диалектики гласит, что *целое всегда больше простой суммы своих частей*) и состоит сущность *материалистического понимания истории*, которое является основополагающим, базовым методом исследования в философии Маркса.

Основное положение материалистического понимания истории, сформулированное самим Марксом, гласит, что «для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидуом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание» [27, с. 25; ср.: 27, с. 36-37; 22, с. 6-8].

Далее Маркс пишет: «Эта концепция (материалистическое понимание истории) показывает, что история не растворяется в “самосознании”, как “дух от духа”, а что каждая ее ступень застаёт в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [27, с. 37].

Обратите внимание на *диалектику* свободы и необходимости, общества и личности, внешних условий бытия и внутренних условий сознания,

объективных социальных структур (уже не зависящих от сознания в различных формах наличной фактичности) и субъективной стороны праксиса (созидающего *новое* в форме целеполагания, проекта, фантазии и т.д.) в последнем предложении приведенной цитаты. Этот фрагмент еще раз свидетельствует о том, что у Маркса *нет* никакого социологического (общество тотально детерминирует личность) и тем более экономического (экономические структуры определяют общество в целом и каждого конкретного индивида в отдельности) редукционизма. Более того, у Маркса нет учения о тотальной несвободе человека, о том, что общественная среда, в которой он живет, полностью обуславливает программы его поведения, делая его роботом, «винтиком» в механизме социальной машины, ибо общественное бытие обуславливает лишь общественное сознание (сверх-Я у фрейдистов), в то время как человек в качестве индивида *относительно свободен* в выборе той или иной формы поведения, ограничиваясь наличными условиями существования. Так, например, хотя люди и мечтали уже в древности о том, чтобы иметь возможность летать (миф о Дедале и Икаре), в эпоху Возрождения даже предпринимались попытки выявить законы полета (Леонардо да Винчи), тем не менее реальностью полет человека стал только в XX в.

Когда Ф. Энгельс говорит, что способ производства *в конечном счете* [см.: 41; 42; 43] определяет социальное бытие, а значит и общественное сознание, то он формулирует уже *свернутую формулу*. В действительности между способом производства как *фундаментом* (*βάσις* 'ом) общественного бытия, с одной стороны, и общественным сознанием, с другой, располагается целый комплекс *опосредующих* детерминационных механизмов, которые детально анализирует Маркс в «Капитале», и на которые обычно закрывают глаза, предпочитая оперировать простыми однозначными схемами. Маркс пишет: «Мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии “делать историю”. Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это – производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться *ежедневно и ежечасно* – уже для одного того, чтобы люди могли жить» [27, с. 26] (курсив – авторов).

Таким образом, именно *повседневная деятельность* человеческих индивидов, с точки зрения К. Маркса, оказывается действительным, чувственным, материальным *фундаментом* социального бытия. «Эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире

природы, – очень скоро не стало бы и всего человеческого мира, его, Фейербаха, собственной способности созерцания и даже его собственного существования» [27, с. 43].

Но это только одна – непосредственно *материалистическая* сторона методологии исторического познания. *Другая* сторона философско-исторического метода, которую в силу различных причин Маркс специально не оговаривал, но непосредственное и блестящее использование которой мы явно видим в его работах («18 брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»), состоит в том, чтобы показать и *обратную* детерминацию общественного бытия различными формами конкретного общественного сознания, особенно это касается политического, классового и быденного сознания. Эту сторону марксова философско-исторического метода можно было бы назвать «*идеалистическим*» пониманием истории в том смысле, что посредством его применения раскрывается и показывается конститутивная роль элементов надстройки и общественного сознания в процессе формирования социального универсума. Если исключить эту сторону марксова метода, как это фактически было сделано в сталинской версии марксизма, то тогда марксизм перестанет быть *диалектическим* учением. Указание на данный момент философско-исторического метода мы обнаруживаем во второй части цитированного выше фрагмента из «Немецкой идеологии»: «...эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [27, с. 37].

Попытку раскрыть «идеалистический» аспект материалистического понимания истории предпринял Ф. Энгельс перед смертью в своих «Письмах об историческом материализме» (1890–1894), в которых попытался оправдаться за себя и Маркса за то, что они в силу идейной и политической конъюнктуры не обращали должного внимания на активность надстройки. Он советует сочетать, между прочим материалистическое понимание истории с противоположным ему методом – историческим идеализмом. То есть он прямо не употребляет этот термин, но суть именно такова: речь идет о том, что нельзя забывать об обратном влиянии надстройки (идей) на базис (общественное производство и реальную жизнь). Действительно, есть целые области жизни, например искусство, где идеи обладают чрезвычайно сильным влиянием и где попытка свести все к особенности «материального производства» очевидно смехотворны [6].

Единство этих двух моментов заложено уже в самой субстанции социальной историчности – в человеческой деятельности, в которой материальная и идеальная активность даны в диалектическом взаимодействии как взаимно конституирующие друг друга стороны тотальности. Иными словами, бытийная практика, в которой сознание «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [27, с. 24], лежит в основе социально-исторического процесса, в ходе которого конституируются сменяющиеся друг дру-

га типы социального универсума. В них материальные и идеальные моменты деятельности приобретают видимость независимого существования в виде самых различных форм, явлений и структур общественного бытия и общественного сознания. Но в действительности эти две стороны социального организма *непрерывно диалектически* рефлектируют друг-в-друге, взаимно конституируя социально-историческую процессуально становящуюся тотальность.

Само собой разумеется, что в том или ином конкретном случае детерминации верх берет одна из сторон этой тотальности – либо базис, либо надстройка, либо общественное бытие, либо общественное сознание. Но в целом исторический процесс движется первоначально от почти тотального доминирования материально-бытийных факторов через постепенное увеличение роли феноменов общественного сознания в жизни общества к господству разумного (научного) управления социальными процессами. Человеческое бытие от «грубого материализма» постепенно идет к «возвышенному идеализму». И чтобы понять движущие силы, которые толкают общественные структуры и явления к их имманентному преобразованию, необходимо выявлять те формы праксиса, в которых фундированы эти явления и структуры.

Итак, мы видим, что любое социальное явление конституируется именно в диалектике этих двух процессов. Но если внимательно присмотреться к этим процессам, то можно увидеть, что в их динамике материальное и идеальное оказываются «сплавленными» в структурах развертывающегося праксиса на всех уровнях социального универсума. Поэтому вместо понятия «материалистическое понимание истории» более адекватно было бы использовать термин «*праксеологическое* понимание истории», которое в качестве диалектических методов включало бы в себя материалистическое понимание истории, идеалистическое понимание истории и их синтез [ср.: 36, с. 378].

Это праксеологическое понимание истории, таким образом, состоит в том, что всякое социальное явление исследуется через следующие процедуры:

- сначала выявляется обусловленность появления этого феномена материальными потребностями и наличными общественными условиями бытия;
- затем эксплицируются те идеологические детерминанты, которые способствовали его возникновению *наряду* с материальными;
- наконец происходит выявление конкретной диалектики материального и идеального в процессах функционирования и условий поддержания данного явления.

Диалектическое единство материальной «работы» и идеального «целеполагания» *a priori* предполагает еще один важный аспект историчности социального бытия, а именно его *альтернативность*. Уже давно распространено расхожее ложное мнение о том, что Маркс был сторонником тотального и радикального детерминизма, граничащего с социальным фатализмом. Однако

его тексты и особенно имманентное существо его социально-философской и философско-исторической теории свидетельствуют об обратном.

Дело в том, что праксис, как неустранимая основа всякого социального бытия, содержит в себе *целеполагание*, то есть *сознательную постановку целей, образов (idēa) будущего результата деятельности*. Постановка же целей предполагает выбор тех или иных средств и способов достижения целей в *каждой конкретной ситуации*. А это, в свою очередь, означает необходимость в процессе труда принимать решения «об использовании тех или иных альтернативных возможностей», следовательно, «производственная деятельность возможна только тогда, когда строгий, объективно-линейный детерминизм преодолевается» [31, с. 15].

В силу того, что имеется неисчерпаемое многообразие предстоящего перед человеком мира, человеческая практика всегда так или иначе является *избирающей*, ибо человек неизменно действует в сфере некоего горизонта, поля доступных ему *альтернатив*. «Каждому моменту на практике предшествует альтернативное решение» [17, с. 163]. Соответственно и общественное бытие, будучи реализацией практики, оказывается *альтернативным a priori*, так как альтернативность заложена уже в самих структурах праксиса. Ср. у Маркса: «В том, что дано природой, он (человек) осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» [23, с. 189; ср.: 24, с. 36]. «Альтернативы целеполаганий в труде суть “неотъемлемый фундамент” всей человеческой практики» [31, с. 15]. Из этой имманентной альтернативности праксиса Д. Лукач эксплицировал марксову концепцию об «альтернативном характере *всего (gesamten)* исторического развития» [31, с. 17]. Собственно говоря, альтернативность социально-исторического бытия заложена *a priori* в *активности субъекта* (положение, радикально отличающее материалистическую диалектику Маркса от всяких иных форм материализма).

Онтологической (в смысле деятельностной парадигмы Маркса) основой *альтернативности исторического процесса* является открытый Л.С. Выготским феномен доминирования орудийной деятельности в существовании человека, расширяющей его систему активности в неограниченном диапазоне возможностей. Если животное ограничено в формах своего поведения определенными органами и конститутивной организацией тела («система активности животного», по Г. Дженнингсу), то орудийная деятельность позволяет человеку преодолеть в онтогенезе это морфологическое и этологическое ограничение форм активности и действовать в мире *радикально многообразными и альтернативными способами*.

Исследуя марксову теорию повседневности, мы показали [18, с. 177-178], что изначально первоначальные альтернативные целеполагающие действия (*свобода* в рамках наличного горизонта возможностей удовлетворения потребностей) постепенно путем элиминации неэффективных и неудачных альтернатив редуцируются к одной, оказавшейся наиболее удачной, практике. Она седиментируется и в конце концов за-

крепляется и институализируется как единственно возможная и соответственно начинает в качестве объективности детерминировать деятельность других поколений. То есть постепенно из субъективной свободы альтернативных целеполаганий конституируется объективная каузальная необходимость.

Этот механизм повседневной деятельности (наряду с другими) лежит и в основе конституирования структур и механизмов общественной формации. Так, например, конвергенция структур гибнущего античного общества (*необходимый* итог его имманентного развития) с варварством (одна из альтернатив внутри исторического движения) дает нам в результате новый тип общества, в котором постепенно в процессе элиминации различных альтернативных практик конституируется и закрепляется собственно феодальный тип общества, который затем воспроизводится и транслируется в течение целого тысячелетия. Если бы не варварские завоевания, то античный способ бытия, возможно, путем естественноисторической трансформации перешел бы в другое состояние (формацию) или же погиб, подобно древним государствам Месопотамии. Но можно однозначно утверждать, что феодализма в том виде, в каком он существовал в странах Европы, не было бы.

Таким образом, исторический процесс представляет собой диалектику объективных каузальных цепей социально-экономической детерминации и цепей субъективных альтернативных целеполаганий. «Только в общественном бытии всякое сущее возникает в результате целеполаганий, имеющих в своей основе моменты идеальной природы» [17, с. 338]. Именно в этом диалектическом моменте альтернативности исторического процесса и следует, на наш взгляд, искать объяснение разного рода «аномалиям», не вписывающихся в объяснительные схемы и возможности формационной теории. Поэтому для своего изучения история, с точки зрения Маркса, требует не априористских схем, а *конкретно-исторического исследования*. Как замечает Ф. Энгельс в письме К. Шмидту (1890), «наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства» [43, с. 371].

Далее. Для философско-исторического метода Маркса весьма важным представляется метод выявления механизмов перехода от явления к сущности. Дело в том, что за всяким явлением социальной жизни стоит сущность – та или иная форма социально-исторической практики, которая дает возможность тому или иному феномену проявиться в непосредственной жизненной наличной данности в качестве именно этого *конкретного* феномена.

В этом отношении методология социально-исторического исследования К. Маркса состоит в том, чтобы в каждом явлении социальной и духовной жизни видеть не только феноменально данную поверхность, «обманчивую видимость вещей», но исследовать те бытийные основания, которые стоят по ту сторону этой феноменальной видимости. В силу того, что феномен (являющееся-в-сознании социальных акторов) в своем

наличном бытии положен социальной, исторически заданной практикой, то его внешняя форма обнаружения в сознании и для сознания всегда за своей поверхностью скрывает бытийно-практическую сущность. Более того, – и это для марксова метода оказывается решающим, – надо видеть не только сущность за феноменальной сферой, и постоянно эксплицировать *историческое развитие* самих явлений и сущности.

Этот момент марксовой методологии можно назвать *феноменологически-сущностным анализом* явления, в рамках которого одно и то же явление рассматривается и в качестве явления, и в качестве сущности.

Марксова методология прагматологического понимания истории в противоположность простой феноменологии идет от фиксации поверхности обнаруживаемого явления к тем бытийным основаниям, которые это явление породили, к основаниям, которые в своей сущности представляют действительный жизненный процесс (*wirklichen Lebensprozess*), который есть *социально-историческая прaxis*. «Все прежнее понимание истории, – говорит К. Маркс, – или совершенно игнорировало эту действительную основу истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. При таком подходе историю всегда должны были писать руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни (*die wirkliche Lebensproduktion*) представлялось чем-то доисторическим, а историческое – чем-то оторванным от *обыденной жизни* (*während das Geschichtliche als das vom gemeinen Leben Getrennte*), чем-то стоящим вне мира и над миром» [27, с. 38].

Еще одним важным методом общей философско-исторической методологии Маркса является *диалектика абстрактного и конкретного* [10; 11], которая состоит из следующих методологических шагов исследования:

– *восхождение от абстрактного к конкретному*: движение исследования социально-исторического бытия от уровня общественной формации (общее) через национальную специфику (особенное) к повседневности (единичное); мы этот метод Маркса назвали *нисходящим механизмом историчности*;

– *восхождение от конкретного к абстрактному* (на что исследователи философии Маркса, к сожалению, совершенно не обращают внимания) означает анализ социального бытия в обратной перспективе: от повседневной подручности и обыденной жизни конкретных живых индивидов до общественной формации, от единичного через особенное к всеобщему; в нашей интерпретации это – *восходящий механизм историчности*;

– *динамический синтез* этих двух сторон на основе предметно-деятельностной теории и включение этого синтеза в контекст конкретно-исторического исследования, в котором выявляются закономерности возникновения, развития и гибели становящейся (*werden sein*) социальной тотальности, понимаемой как процесс.

То есть это – *метод экспликации процессов исторического конституирования социального явления в процессах историчности*: 1) сначала явление анализируется как возникающее в ходе восходящего процесса от

повседневности до формации, выявляются причины и условия его появления в повседневных практиках, которые затем экстраполируются на более широкие сферы социального бытия; 2) затем это же явление исследуется как формирующееся и формируемое уже со стороны формационных структур вплоть до его всеобщего оповседневнивания; 3) посредством синтеза выявляется единство этих процессов и устанавливается реальная история данного явления.

И, наконец, коль скоро у Маркса речь идет об определенном *понимании* истории (*Geschichtsauffassung*), то мы находим у него (правда, имплицитно данный) *деятельностный метод понимания*. Маркс употребляет термин *die Auffassung*, в то время как в более поздней традиции, идущей от В. Дильтея и М. Вебера, употребляют термин *Verstehen*. Часто в немецком языке используют слово *das Verständnis*. Но если у Маркса «понимание» употреблено в смысле *научного исследования, концепции*, то двух последних словах больше подчеркивается момент *взаимопонимания, сочувствия* (*Worte des guten Verstehens wechseln* – обмениваться словами, полными взаимопонимания) [20]. Так, существует некоторый социально-предметный универсум, в уже сформированной и постоянно изменяющейся системе предметных и смысловых связей и референций (отсыланий-к) которого действует человек. Действуя, человек на основе наличных потребностей ставит цели, которые конституируют смысл (осмысленность) этой деятельности. Но содержания целей и способы их достижения *в целом* детерминируются содержанием этого налично-становящегося социально-предметного универсума. Следовательно, чтобы действительно понять *Другого*, надо встроиться в структуру и содержание внутренних связей (отсыланий-к) [14, с. 43-49] между целями, средствами, потребностями, условиями и т.д. *данного конкретного* универсума. Необходимо «ставить» *те же самые* цели в сходных ситуациях, что и *Другой*. Именно так возможно приближение к нашему осознанию деятельности *Другого*. *Понимание*, таким образом, представляет собой *деятельностное осознание целеполаганий Другого в контексте конкретно-исторического горизонта его универсума отсыланий-к*.

Если попытаться определить существо Марксова философско-исторического метода (как он представлен прежде всего в «Немецкой идеологии», первом томе «Капитала» и подготовительных материалов к нему, написанных в 1857–1863 гг.), то *предварительно* его можно сформулировать так: это метод [26, с. 449] исследования и понимания (*Auffassung*) социальной реальности, в рамках которого *каждое общественное явление* рассматривается диалектически как:

- результат *конкретной* человеческой деятельности, порожденной конкретными потребностями и осуществляемой в конкретных природных, предметных, социальных, культурных, духовных и т.д. условиях;
- системный элемент социальной тотальности;
- процесс, становящееся, то есть как нечто одновременно 1) налично существующее (*factum, Faktizität, Tatsächlichkeit*), 2) возникающее в диа-

лектических потоках восходящих и нисходящих социальных процессов (*werden Sein, γένεσις*), 3) сохраняющее в себе в снятом виде результаты всей практики предшествующих поколений людей и 4) выходящее за счет действия внутренних противоречий за свои собственные пределы и порождающее возможность некоторого будущего состояния (*futurum*);

– одновременно детерминированное в рамках осуществляемого праксиса и материальными, и идеальными факторами;

– результат диалектики объективных каузальных цепей социально-экономической детерминации и цепей субъективных альтернативных целеполаганий.

Поэтому сущность всякого социального явления можно понять только из механизмов его конкретного исторического становления и выявления многообразных связей, отношений и взаимодействий с другими элементами социальной системы; какое специфическое место он занимает в структуре социальной реальности, и каковы атрибутивные и акцентен-тальные свойства исследуемого явления в том или ином контексте.

В силу того, что метод Маркса является *научным*, результатом его применения должна стать не просто феноменологическая дескрипция того или иного социального явления и даже не экспликация сущности этого явления, а выявление тех *закономерностей*, сообразно с которыми возникает, развивается и с необходимостью исчезает это явление. *Постольку же, поскольку социально-историческая жизнь есть человеческая деятельность, то и онтологическими, и историческими закономерностями этой жизни могут быть только закономерности самой этой деятельности.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баллаев А.Б.* Читая Маркса: Историко-философские очерки. М.: Праксис, 2004. 288 с.
2. *Бузгалин А.В.* Марксизм: от догматического загнивания к критическому возрождению (к 190-летию Карла Маркса). URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/565> (проверено 29.07.2012 г.).
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2004. 512 с.
4. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. 330 с.
5. *Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
6. *Вахитов Р.Р.* Философский метод Маркса и современность // Восток: Альманах, 2004. Вып. № 4(16), апр. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_360.htm (проверено 26.03.2012 г.).
7. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция: Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. Изд. 2-е, испр. СПб.: Норма, 1997. 222 с.
8. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. Дом гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 208 с.
9. *Грамини А.* Революция против «Капитала» // Альтернативы. 1998. № 3. С. 3-5.
10. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 290 с.
11. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Ин-т философии АН СССР, 1960. 98 с.
12. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
13. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М.: Academia–Наука, 1998. 614 с.

14. *Кондрашов П.Н.* Исторические структуры повседневности. Попытка марксистского анализа. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 385 с.
15. *Коряковцев А.А., Любутин К.Н.* Диалектика Людвиг Фейербаха. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 220 с.
16. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма: (Популярный очерк) // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 27. С. 299-426.
17. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
18. *Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. 295 с.
19. *Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Значение философии К. Маркса сегодня // Философия и общество. 2008. № 3. С. 5-19.
20. *Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Понимание: деятельностный подход к проблеме определения сущности явления // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2007. Вып. 7. С. 75-90.
21. *Майданский А.Д.* Реальность как деятельность: понятие практики в советской философии. URL: <http://www.caute.net.ru/am/text/realact.html> (проверено 22.03.2012 г.).
22. *Маркс К.* К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 1-167.
23. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 5-784.
24. *Маркс К.* [Капитал] Кн. 1. Гл. 6. § 2. Капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 49. С. 3-138.
25. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 4. С. 65-185.
26. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3-508.
27. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 9-544.
28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 3-230.
29. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
30. *Мизес Л.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.
31. *Нарский И.С., Хевеши М.А.* Построение социальной онтологии марксизма. М.: Прогресс, 1991. С. 5-31.
32. *Поппер К.Р.* Нищета историцизма / Пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс»-VIA, 1993. 187 с.
33. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
34. *Фридмен М., Хайек Ф.* О свободе. М.: Три квадрата; Челябинск: Социум, 2003. 192 с.
35. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
36. *Хазин М.* Предисловие к русскому изданию книги «Почему Маркс был прав?» Терри Иглтона. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/998467> (проверено 29.07.2012 г.).
37. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. 176 с.
38. *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
39. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
40. *Шелике В.Ф.* Исходные основания материалистического понимания истории (по работам К. Маркса и Ф. Энгельса 1844–1846 гг.). Бишкек: ИЛИМ, 1991. 227 с.
41. *Энгельс Ф.* Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 174-176.
42. *Энгельс Ф.* Письмо Й. Блоху, 21–22 сентября 1890 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 395-396.

43. *Энгельс Ф.* Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 369-372.
44. *Altvater E.* Das Ende des Kapitalismus, wie wir ihn kennen. Eine radikale Kapitalismuskritik. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2006. 240 s.
45. *Baran P., Sweezy P.* Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order. London: Monthly Review Press, 1966. 402 p.
46. *Bensaid D.* Marx for our Times: Adventures and misadventures of a critique. London: Verso, 2002. 409 p.
47. *Blackledge P.* Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester, England: Manchester University Press, 2006. 218 p.
48. *Cohen G.A.* Karl Marx's Theory of History: a Defence. Oxford: Clarendon; Princeton: Princeton UP, 1978. XV. 369 p.
49. *Haug W.F.* Hightech-Kapitalismus in der Großen Krise. Hamburg: Argument. 368 s.
50. *Lebowitz M.* Beyond Capital: Marx's Political Economy of the Working Class. London: Macmillan, 1992. 248 p.
51. *Lucarelli B.* Monopoly Capitalism in Crisis. London: Palgrave Macmillan, 2004. 208 p.
52. *Mandel E.* Late Capitalism. London: Verso Books, 1998. 620 p.
53. *Meszaros I.* Beyond Capital: Towards a Theory of Transition. L.: The Merlin Press Ltd, 1995. 994 p.
54. *Ollman B.* Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method. Chicago: University of Illinois Press, 2003. 233 p.
55. *Paolucci P.* Marx's Scientific Dialectics: A Methodological Treatise for a New Century (Studies in Critical Social Sciences). Leiden: Brill Publishers, 2007. 316 p.
56. *Went R.* Globalization: Neoliberal Challenge, Radical responses. London: Pluto Press, 2000. 184 p.

Материал поступил в редколлегию 6.09.2012 г.

PHILOSOPHIC-HISTORICAL METHOD OF K. MARX

Pyotr N. Kondrashov, Candidate of Philosophy, associate professor, post-doctoral student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: stif.lo@rambler.ru

Konstantin N. Lubutin, Doctor of Philosophy, full professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: lyu-bu-tin@mail.ru

Abstract: There is a variety of works devoted to the analysis of Marx's philosophic-historical methodology. However, most of them are characterized by one-sidedness, which is caused by the consideration of Marx's method either as being out of subject and strictly causal (Marxism-Leninism, Althusser); or making emphasize on the anthropological aspect (humanistic neo-Marxism); or even with the denial of any scientific character (Popper, Hayek). Following the results of critical analysis, the authors conclude that Marx's philosophic-historical methodology represents not a vulgarly interpreted «materialistic view of history», but praxeological interpretation of historical process. Relying on the materialistic historical dialectics, this interpretation comprises both the materialistic and «idealistic» view of history, because, according to Marx, history appears to be a result of the development of human social nature – the activity (Praxis), which is the synthesis of the material («work») and ideal (goal-setting) acts.

Keywords: Marx's philosophy of history, philosophic-historical methodology of Marx, materialistic view of history, praxeological view of history, materialist dialectics, historicity, alternativeness of history.